

**Стихотворения А.И.
Полежаева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С80

С80 Стихотворения А.И. Полежаева / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 327 с.

ISBN 978-5-518-02969-9

Под редакцией Арс. И. Введенского.
С биографическим очерком и портретом А.И. Полежаева, гравированном
на стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге

ISBN 978-5-518-02969-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе.

Нашему изданію стихотвореній Полежаева предшествуетъ изданіе Суворина, подъ редакціей П. А. Ефремова, исполненное съ знаніемъ дѣла и опытностью, собственными названному редактору. Мы не почли себя, однако, въ правѣ ограничить нашу задачу простой перепечаткой текстовъ этого изданія и провѣрили ихъ по всѣмъ источникамъ, которые были намъ доступны. И наша работа не осталась безплодною. Въ краткихъ примѣчаніяхъ, напечатанныхъ въ концѣ нашей книги, читатель найдетъ нѣсколько новыхъ библиографическихъ указаній. Введены нами также нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ стихотвореній, — они мотивированы въ тѣхъ же примѣчаніяхъ. Намъ, правда, не многое пришлось прибавить къ работѣ г. Ефремова, но уже то, что сдѣланное имъ провѣрено внимательно другимъ лицомъ, имѣетъ свое значеніе для будущихъ изданій стихотвореній Полежаева.

Назначая наше изданіе для обширнаго круга читателей, мы почли необходимымъ не смѣшивать извѣстныя и дѣйствительно достойныя памяти поэта произведенія съ болѣе слабыми. И потому мы раздѣлили ихъ на два отдѣла. Въ первомъ помѣщено въ существенномъ то, что было въ Солдатенковскомъ изданіи 1857 года, исполненномъ по указаніямъ статей Бѣлинскаго; во второй вошли слабыя лирическія стихотворенія и юмористическія поэмы, характеризующія развѣ только менѣе симпатичныя стороны нашего поэта. Мелкія стихотворенія въ обоихъ отдѣлахъ расположены хронологически; при крупныхъ произведеніяхъ указаны годы ихъ написанія.

Портретъ, приложенный къ нашему изданію, хранится въ Императорской Публичной Библиотекѣ; и хотя Полежаевъ на немъ въ офицерской формѣ, которой ему носить не пришлось, но портретъ этотъ имѣетъ то преимущество, что изображаетъ поэта, очевидно, уже истомленнымъ злою чахоткой, въ послѣдніе мѣсяцы его жизни.

А. В.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

(Биографическій очеркъ).

Среди второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, Александръ Ивановичъ Полежаевъ занимаетъ столь выдающееся мѣсто, что рѣдкая критическая статья, говорящая объ эпохѣ, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ, не заключаетъ въ себѣ указаній на него. За нимъ единогласно признается необыкновенная сила чувства и мощь стиха. Но не въ этомъ одномъ его значеніе въ исторіи русской литературы. Своею поэзіею и своею личностію онъ отразилъ весьма характерныя стороны современной ему общественной мысли, умственного направленія—не выдающихся собственно людей, а обыкновенныхъ, не лишенныхъ образованія. Съ другой стороны, на его поэзію обстоятельства личной жизни, печальныя и тягостныя, наложили такой сильный колоритъ, что и понимать ее можно только зная эти обстоятельства.

Съ первыхъ же дней своей жизни Полежаевъ поставленъ былъ судьбою въ непрочное и двусмысленное положеніе. Онъ родился въ 1805 году, въ Пензенской губерніи, въ селѣ Покрышкинѣ, Саранскаго уѣзда, отъ незаконной связи владѣльца села, Леонтія Николаевича Струйскаго съ его дворовой дѣвушкой, Степанидой Ивановной. Струйскій очень любилъ мальчика, какъ и дочь Олимпиаду, родившуюся отъ той же дворовой дѣвушки; но семейные раздоры, естественные въ подобныхъ обстоятельствахъ, привели въ концѣ концовъ къ тому, что Степанида Ивановна была повѣнчана съ мѣщаниномъ г. Саранска, отъ котораго Полежаевъ и получилъ свою фамилію. Струйскій былъ человекъ страстный и неводержимый; тоскуя по Степанидѣ Ивановнѣ и любимымъ дѣтямъ, на которыхъ онъ теперь потерялъ всѣ права, онъ допивался нарѣдко до *delirium tremens*, и въ пьяномъ видѣ, какъ нужно думать, совершалъ дѣянія, наконецъ погубившія его. По догадкѣ П. А. Ефремова, онъ засѣкъ своего крестьянина до смерти, и Сперанскимъ, бывшимъ тогда пензенскимъ губернаторомъ, преданъ суду и сосланъ въ Тобольскъ на поселеніе.

Дѣти, однакоже, не были отцомъ совершенно оставлены, пока онъ былъ еще въ имѣніи; уѣзжая же въ Сибирь, онъ просилъ своего брата и сестру принять ихъ на свое попеченіе. Десяти лѣтъ Полежаевъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ модный тогда пансіонъ Визара, а черезъ пять лѣтъ поступилъ въ Московскій университетъ вольнослушателемъ по словесному отдѣленію. Въ-

роятно стѣсненные обстоятельства заставили его черезъ годъ просить объ увольненіи изъ университета; а черезъ шесть дней, онъ снова поступилъ въ вольнослушатели по тому же отдѣленію; по мнѣнію его біографа, въ эти шесть дней, измѣнившія его положеніе, пришла помощь отъ другаго дяди его, жившаго въ Петербургѣ.

Уже на университетской скамьѣ Полежаевъ началъ печатать свои стихотворенія. Въ 1825 году, въ *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго, появились его «Морни и тѣнь Кормала»—переводъ изъ Макферсона, и оригинальное стихотвореніе «Непостоянство»; затѣмъ въ «Чтеніяхъ» Общества любителей словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ напечатанъ его переводъ поэмы Байрона «Оскаръ Альвскій», доставившій ему званіе члена-сотрудника Общества. Въ 1826 году въ *Вѣстникъ Европы* появилось еще нѣсколько переводовъ изъ Ламартина и оригинальныхъ стихотвореній, и въ числѣ послѣднихъ большая юмористическая поэма «Иманъ-козелъ», содержаніе для которой далъ ему ходившій тогда въ Москвѣ слухъ о дѣйствительномъ случаѣ, подобномъ описанному въ поэмѣ, и которая потому надѣлала шуму.

Университетское начальство еще прежде обратило вниманіе на талантливаго студента и поручило ему написать и прочесть на торжественномъ актѣ 1826 года оду: «Въ память благотвореній Императора Александра I Императорскому Московскому Университету»; а на выпускномъ актѣ въ томъ же году Полежаевъ читалъ, написанное имъ также по порученію начальства, стихотвореніе «Геній».

Полежаевъ оканчивалъ курсъ; университетскій совѣтъ уже сдѣлалъ опредѣленіе ходатайствовать объ исключеніи его изъ податнаго сословія. Вдругъ одно обстоятельство круто перевернуло всю его жизнь. Передъ окончаніемъ курса Полежаевъ написалъ шуточную, но довольно неприличную поэму «Сашка», въ которой онъ описалъ въ преувеличенномъ видѣ свои похождения и кутежи съ товарищами, довольно обычные въ то время въ студенческой средѣ. Неприличная поэма разошлась въ рукописяхъ и какимъ-то образомъ дошла до императора Николая Павловича, пріѣхавшаго тогда для коронаціи въ Москву. Въ другое время шалость Полежаева могла бы окончиться и пустяками; но вскорѣ послѣ 14-го декабря 1825 года, когда умственное направленіе декабристовъ приписывалось, между прочимъ, вредному направленію образованія юношества, дѣло приняло иной оборотъ. Однажды, часа въ три ночи, ректоръ университета разбудилъ Полежаева и велѣлъ сойти въ правленіе; тамъ его ждалъ попечитель, который пригласилъ его въ свою карету и отвезъ къ министру народнаго

просвѣщенія; министръ, въ свою очередь, въ своей каретѣ свезъ Полежаева прямо къ Государю. Когда Полежаева позвали въ кабинетъ, Государь, говорившій съ министромъ и державшій тетрадь въ рукѣ, бросилъ на него испытующій и суровый взглядъ. «Ты-ли?»—спросилъ Императоръ—«сочинилъ эти стихи?»—Я, отвѣчалъ Полежаевъ.—«Вотъ», продолжалъ Государь, обращаясь къ министру: «вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія. Я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди...»—«Читай эту тетрадь вслухъ», прибавилъ онъ обращаясь снова къ Полежаеву. Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ Государя неподвижно остановился на немъ.—Я не могу,—сказалъ Полежаевъ.—«Читай!» Сначала Полежаеву было трудно читать, но мало-по-малу онъ оправился, и подъ конецъ громко и живо дочиталъ поэму. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ Государь дѣлалъ рукою знакъ министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса. «Что скажете?» спросилъ Государь по окончаніи чтенія. «Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще слѣды, послѣдніе остатки; я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?» Министръ сказалъ: «Превосходнѣйшаго поведенія, Ваше Величество!»—«Этотъ отзывъ тебя спасъ», сказалъ Государь Полежаеву; «но наказать тебя надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?» Полежаевъ молчалъ. «Я тебѣ дамъ возможность военной службой очиститься. Что же, хочешь?»—Я долженъ повиноваться,—отвѣчалъ Полежаевъ. Государь подошелъ къ нему, положилъ ему руку на плечо, и сказавъ: «Отъ тебя зависить твоя судьба; если я забуду, то можешь мнѣ писать»,—поцѣловалъ его въ лобъ. Отъ Государя Полежаева свели къ Дибичу, который жилъ тутъ же во дворцѣ. Дибичъ, прочитавъ бумагу, сказалъ Полежаеву: «Что же, доброе дѣло; послужите въ военной: я все въ военной службѣ былъ, видите—дослужился; и вы, можетъ быть, будете фельдмаршаломъ...» Полежаева свели въ лагерь. Такъ рассказываетъ эту исторію Герценъ, со словъ самого Полежаева.

Юный поэтъ зачисленъ былъ въ Бутырскій пѣхотный полкъ, находившійся тогда въ Московскомъ округѣ, унтеръ-офицеромъ: за нимъ признано было по образованію право на чинъ 12 класса и на личное дворянство. Выбитый изъ колеи своей жизни, не могши примириться со своимъ новымъ положеніемъ, Полежаевъ рѣшился воспользоваться даннымъ ему правомъ писать къ Государю и послалъ ему просьбу о помилованіи. Не получая отвѣта, и думая, что письма его къ Государю не доходятъ, онъ самовольно оставилъ полкъ и отправился пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы лично дойти до Государя; одумавшись, онъ вернулся въ полкъ.

За самовольную отлучку из полка, Полежаевъ, по конфирмаціи Государя, лишень личнаго дворянства и разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые безъ выслуги. Никакого выхода теперь не осталось для поэта. Съ отчаянія и тоски онъ запиелъ и, воротившись какъ-то нетрезвымъ въ казармы, на выговоръ фельдфебеля за недозволительно позднее возвращеніе — отвѣтилъ ему бранью непечатными словами. Началось новое дѣло, и Полежаевъ почти голъ просидѣлъ на кандалахъ на гауптвахтѣ. Ему грозила страшная отвѣтственность, но, по милосердію Государя, «въ уваженіе весьма молодыхъ лѣтъ» ему вмѣнено въ наказаніе долговременное содержаніе подъ арестомъ, при чемъ онъ былъ переведенъ въ Московскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Московскомъ же округѣ. Это было въ самомъ началѣ 1829 года. Съ этого времени въ журналахъ стали вновь появляться, но безъ полной подписи, стихотворенія Полежаева, и между ними «Видѣніе Вальтара», «Пѣснь плѣннаго Ирокезца» и проч., обратившія на автора общее вниманіе. Между тѣмъ убійство Тегеранской чернью Грибоѣдова и возможность новой войны съ Персіей вызвали усиленіе Кавказской арміи, и вмѣстѣ съ другими полками былъ отправленъ туда и Московскій, въ которомъ служилъ Полежаевъ. Полкъ этотъ, однако, не прошелъ въ Грузію, а былъ оставленъ на Линіи. Какъ извѣстно, то время было весьма безпокойное для Кавказа: въ Чечнѣ и Дагестанѣ, подъ вліяніемъ фанатика имама Кази-Муллы, получили сильное развитіе такъ-называемый «юридизмъ», — проповѣдь священной войны магометанъ противъ христіанъ, — и русскія войска должны были вести безпрестанную войну. Въ рядѣ походовъ и сраженій пришлось участвовать и Полежаеву. Между прочимъ походъ къ Эрпели, взятіе приступомъ селенія Чирь-Юртъ, затѣмъ слѣды разрушительнаго штурма укрѣпленнаго селенія Герменчука — описаны имъ въ его стихотвореніяхъ. Пребываніе на Кавказѣ нѣсколько облегчило участь Полежаева; съ одной стороны, при тамошней простотѣ отношеній, сближавшихъ солдатъ съ офицерами, Полежаевъ, притомъ въ качествѣ уже небезызвѣстнаго поэта, вращался въ болѣе близкой ему по умственному развитію и интересамъ средѣ юнкеровъ и офицеровъ, а съ другой стороны — опасные походы дали ему возможность отличиться и въ 1831 году быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры.

Въ 1833 году Московскій полкъ воротился въ Москву, а къ концу того же года Полежаевъ переведенъ въ Тарутинскій пѣхотный полкъ, принадлежавшій къ той же дивизіи, что и Московскій. Здѣсь, среди незнакомыхъ опять людей и при столичной дисциплинѣ, для Полежаева началась опять однообразная казарменная

жизнь; и снова онъ началъ пить безъ мѣры. И это почти все, что извѣстно о тогдашней московской жизни поэта.

Въ 1834 году ему пришлось испытать нѣсколько счастливыхъ дней; но и они послужили только къ еще большому ухудшенію нравственнаго состоянія его. Именно, онъ познакомился съ семействомъ Бибиковыхъ, былъ облаканъ и провелъ двѣ недѣли вмѣстѣ съ нимъ въ селѣ Ильинскомъ, въ 17 верстахъ отъ Москвы. Тамъ онъ, какъ нужно думать, полюбилъ шестнадцатилѣтнюю дочь хозяина, Екатерину Ивановну Бибикову, памятникомъ чего осталось нѣсколько стихотвореній,—между прочимъ «Черные глаза». Но положеніе Полежаева было не таково, чтобы эта любовь могла принести ему что-нибудь, кромѣ горя. Бибиковъ, имѣя связи въ Петербургѣ, попытался было облегчить участь поэта, пославъ графу Бенкендорфу при своемъ письмѣ стихотвореніе Полежаева «Божій судъ» («Тайный голосъ»); но изъ этой попытки не вышло ничего. Прошли двѣ недѣли, и Полежаевъ былъ отправленъ въ Москву. Но онъ не явился въ полкъ, а «пропалъ, поглощенный, вѣроятно, трущобами столицы». Это обстоятельство разстроило и его знакомство съ Бибиковымъ, который выпросилъ у полковника Полежаева на срокъ безъ отпуска, за своею порукою, и неаккуратностью его теперь былъ поставленъ въ щекотливое положеніе. Разсказъ Бибиковой о пребываніи въ ихъ домѣ Полежаева рисуетъ несчастнаго поэта въ чрезвычайно симпатичномъ свѣтѣ.

Между тѣмъ здоровье Полежаева пошатнулось: у него обнаружилась злая чахотка. Полежаевъ понималъ свое положеніе и уже осенью 1835 года написалъ извѣстное стихотвореніе «Прощаніе съ жизнью». Въ іюлѣ 1837 года начальство представило его къ производству въ офицеры, и онъ получилъ чинъ прапорщика въ концѣ декабря. Но это счастье пришло къ нему поздно: еще въ сентябрѣ этого года онъ поступилъ въ военный госпиталь, а 16 января 1838 года, 32 лѣтъ отъ роду, умеръ, узнавши о своемъ производствѣ на смертномъ одрѣ. Похоронили его въ офицерскомъ мундирѣ, котораго при жизни ему не пришлось носить, и портреты его стали прилагать къ сочиненіямъ въ офицерской же формѣ. Друзья хотѣли было поставить надъ его могилою памятникъ, но это осталось однимъ предположеніемъ. Могила Полежаева затеряна, и надъ ней, говоря словами самого поэта,—

«...нѣтъ ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста».

А. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

I.

Лирическія стихотворенія.

1825.

МОРНИ И ТЪНЬ КОРМАЛА.

(Изъ Оссіана).

Морни. Владыко щитовъ,
Мечей сокрушитель
И сильныхъ громовъ
И бурь повелитель!
Война и пожаръ
Въ Арвенѣ пылаютъ,
Арвену Дунскаръ
И смерть угрожаютъ.
Реки мнѣ, о тѣнь
Обители хладной!
Падеть-ли въ сей день
Дунскаръ кровожадный?
Твой сынъ тебя ждетъ.
Надеждою полный...
И море реветъ
И пѣнятся волны;
Испуганный вранъ
Летитъ изъ стремнины;
Простерся туманъ
На лѣсъ и долины;
Эфиръ задрожалъ,
Спираютя тучи...
Не ты ли, Кормаль,
Несешься могучій?

Тѣнь. Чей гласъ роковой
Тревожить дерзаетъ
Мой хладный покой?

Морни. Твой сынъ вопрошаетъ,
Царь молній, тебя!
Неистовый воинъ
Напалъ на меня.
Онъ казни достоинъ...

Тѣнь. Ты просишь...

Морни. Меча!

Меча твоей длани,
Отъ молній луча!
Какъ бурю во брани,
Узришь меня съ нимъ;
Онъ страшно заблещетъ
На пагубу злымъ;
Сынъ горь затрепещетъ,
Сраженный падетъ, —
И Морни воздвигнетъ
Трофеи побѣдъ...

Тѣнь. Прими — да погибнетъ!..

1826.

ЗЛОБНЫЙ ГЕНІЙ.

(Изъ Ламартина).

Когда задумчивый, унылый,
Сижу съ тобой наединѣ,
И, непонятной движимъ силой,
Лью слезы въ сладкой тишинѣ;
Когда во мракъ густаго бора
Тебя влеку я за собой;
Когда въ восторгахъ разговора
Въ тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Плѣняетъ мой ревнивый слухъ;
Когда любви очарованье
Волнуетъ грудь мою и духъ;
Когда главою на колѣна
Ко мнѣ ты страстно припадешь
И кудри пышныя гебена
Съ небрежной нѣгой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взоръ въ огнѣ твоихъ очей, —

Тогда невольною тоскою
 Мрачится рай души моей.
 Ты окропляешь въ умиленьѣ
 Слезой горячею меня,
 Но и въ сердечномъ упоеньѣ,
 Въ восторгѣ чувствъ, страдаю я...
 «О, мой любезный! Ты-ли муки
 Мнѣ неизвѣстныя таишь?»
 Вокругъ меня обвивши руки,
 Ты мнѣ печально говоришь:
 «Прошу за страсть мою награды!
 Открой мнѣ, милый, скорбь твою!
 Бальзамъ любви, бальзамъ отрады
 Тебѣ я въ сердце излію!»
 — Не вопрошай меня напрасно
 Моя владычица, мой богъ!
 Люблю тебя сердечно, страстно
 Никто сильнѣй любить не могъ!
 Люблю... Но змѣй мнѣ сердце гложеть;
 Вездѣ ношу его съ собой,
 И въ самомъ счастьи тревожить
 Меня какой-то гений злой...
 Онъ, онъ — мечтой непостижимой —
 Меня навѣкъ очароваль,
 И мой покой ненарушимый
 И нить блаженства разорваль.
 «Пройдетъ любовь, исчезнетъ радость»,—
 Онъ мнѣ язвительно твердить,—
 «Какъ запахъ розъ, какъ вѣтеръ, младость
 Съ ланить цвѣтущихъ отлетитъ...»

~~~~~
 ПОГРЕБЕНІЕ.

Я видѣлъ смерти лютой пиръ —
 Обрядъ унылый погребенья:
 Младая дѣва вѣчный миръ
 Вкусила въ мглѣ уничтоженья.
 Не длинный рядъ экипажей,
 Не черный флѣръ и не кадилы,
 Не сонмъ придворныхъ и пажей
 За ней тѣснились до могилы.
 Ахъ, вѣтъ! Простой досчатый гробъ
 Несли чредой ея подруги,

И безъ затѣйливой прислуги
 Шелъ впереди приходскій попъ.
 Семейный кругъ и, въ день печали
 Убитый горестью, женихъ,
 Среди ровесницъ молодыхъ,
 Съ слезами гробъ сопровождали.
 И вотъ уже духовный врачъ
 Отпѣлъ послѣднюю молитву,
 И вотъ сильнѣе вопль и плачь—
 И смерть окончила ловитву!..
 Звучить протяжно звонкій гвоздь,
 Сомкнулась смертная гробница—
 И предалась, какъ новый гость,
 Землѣ безчувственной дѣвица...
 Я видѣлъ все, въ нѣмой тиши
 Стоялъ у пагубнаго мѣста,
 И въ глубинѣ моей души
 Сказалъ: «прости, прости, невѣста!»
 Невольно мною овладѣлъ
 Какой-то трепеть чудной силой,
 И я съ таинственной могилой
 Разстаться долго не хотѣлъ.
 Мнѣ приходили въ это время
 На мысль невинныя мечты,
 И грусти сладостное бремя
 Принесъ я въ память красоты.
 Я зналъ ее, — она, играя,
 Цвѣтокъ недавно мнѣ дала,
 И вдругъ, блѣднѣя, увядая,
 Какъ цвѣтъ дареный, отцвѣла.

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

(Отрывокъ).

Привѣтъ тебѣ, Дѣвичье поле.
 Съ твоей обителью святой,
 Гдѣ дѣвы юныя въ неволѣ
 Проводятъ вѣкъ печальный свой.
 Какой окрестъ прелестный видъ
 Красой природною блеснить...
 Взгляни: серебристыми струями
 Москва-рѣка въ брегахъ течеть,